

Отечественная история

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-26-40

УДК 94

Г.В. Талина

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Наместнические титулы как показатели служебного положения и карьерного роста в России второй половины XVII – начала XVIII вв.

В статье рассматриваются наместнические титулы во взаимодействии с другими показателями карьерного роста – чинами и должностями. Титулы использовались преимущественно в дипломатической практике. В условиях отсутствия ярко выраженной специализации высших должностных лиц при первых Романовых и Петре I являлись значимым маркером положения в служебной иерархии в целом. Сравниваются принципы функционирования системы наместнических титулов во время местничества и после его отмены. Делается вывод о сохранении двух титульных групп: особо почетных и не отличающихся высоким статусом. Особое внимание уделяется носителям высших наместнических титулов, в т.ч. главам правительства. Анализируется практика повышения титула представителей боярско-княжеской аристократии и дворянства. Доказывается возможность при помощи данных титулов выстроить ранжир различных носителей одного чина, показать служебное продвижение конкретных лиц при неизменности чиновных показателей. Рассматриваются случаи, связанные с сохранением относительно низких титулов при значительном повышении чина, причины данной динамики.

© Талина Г.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: наместнические титулы, маркеры служебного положения в дипломатической сфере, местничество, служба при первых Романовых, служебная сфера в правление Петра I

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Талина Г.В. Наместнические титулы как показатели служебного положения и карьерного роста в России второй половины XVII – начала XVIII вв. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 4. С. 26–40. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-26-40

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-26-40

G.V. Talina

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The titles of royal governors as indicators of official position and career growth in Russia in the second half of the 17th and early 18th centuries

The article examines the system of titles for royal governors in relation to other indicators of career advancement, such as ranks and positions. Titles were used primarily in diplomatic practice. In the absence of a pronounced specialization of high-ranking officials under the first Romanovs and Peter I, they were a significant marker of position in the overall service hierarchy. It compares the principles of the titles for royal governors during the period of localism and after its abolition. The article concludes that there are two distinct groups of titles: those that are particularly prestigious and those that do not hold a high status. Special attention is given to the holders of the highest titles for royal governors, including the heads of government. The article also analyzes the practice of increasing the titles of members of the boyar-prince aristocracy and the nobility. The possibility of using these titles to rank holders of the same rank is proven, as well as the promotion of specific individuals while maintaining the same rank. The article examines cases related to the preservation of relatively low titles while significantly increasing the rank, and the reasons for this dynamic.

Key words: titles of royal governors, markers of official position in the diplomatic sphere, localism, service under the first Romanovs, and the service sphere during the reign of Peter I

FOR CITATION: Talina G.V. The titles of royal governors as indicators of official position and career growth in Russia in the second half of the 17th and early 18th centuries. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 4. Pp. 26–40. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-4-26-40

Четкие правила определения статуса должностных лиц – один из признаков развитого государства, важнейшее условие его взаимодействия с обществом. В России второй половины XVII – начала XVIII в. социальное положение боярско-княжеской аристократии, московского и провинциального дворянства, приказной бюрократии правильнее называть социально-служебным. В Московском царстве деление общества осуществлялось не столько на сословия, сколько на чиновно-сословные группы, а инициатором процесса выступало в большей мере государство, нежели общество.

В XVII в. главными показателями служебного положения являлись чины и должности. Чины представляли собой систему с четкой иерархией и делились на группы, начиная с высших, относящихся к Боярской думе, продолжая дворцовыми, московскими, городовыми. Ярчайшим примером чиновного ранжира монархической России остается знаменитая петровская «Табель о рангах», просуществовавшая с большими изменениями вплоть до Великой российской революции. Однако в своем первоначальном варианте в «Табели» смешивались чины и должности. Не стоит забывать, что «Табель» явилась итогом петровского правления, а в начале XVIII в. продолжала функционировать московская чиновная система. Последние пожалования в Боярскую думу относятся к 1711 г. [2, с. 221].

Должностей было существенно больше, и определить, является ли назначение на новую должность того или иного лица повышением или понижением по службе, не всегда легко. Отчетливо должностной рост проявлялся в сфере приказной бюрократии: молодший подьячий мог дослужиться до старшего, старший стать разрядным или даже думным дьяком. Высшие государственные должности не выстраивались в определенную иерархию. Исполнитель таких должностей за время своей карьеры нередко был и послом, и гражданским или военным воеводой, и приказным судьей. Даже в рамках приказов сложно определить, какие из них было возглавлять почетнее. Триада крупнейших приказов

(Разряд, Поместный, Посольский) весьма часто руководилась не боярами, а думными дьяками. Определить уровень высших должностей по уровню чинов служилых людей, на них назначаемых, также не всегда возможно. Главными претендентами на эти должности являлись представители боярско-княжеской аристократии, делившейся на первую и вторую статьи. Однако, согласно правилам местничества, господствовавшим по меньшей мере до его отмены в 1682 г., в карьере первого степенного аристократа могло быть только два чина (стольник или комнатаный стольник (спальник) в молодости, боярин – при пожаловании в Думу), а в карьере аристократа второй статьи – три (стольник/спальник, окольничий, боярин). Другие чины для данных категорий считались «невместными», хотя monarch пользовался своим правом не жаловать неугодных ему аристократов в Боярскую думу вовсе.

Классификация и введение в научный оборот автором данной статьи системы наместнических титулов предоставляет возможность учитывать этот показатель служебного статуса [3]. Основой для анализа служат разработанные реестры наместнических титулов 1580–1682, 1682–1706 гг., а также алфавитный реестр наместников [4, с. 148–220]. Принцип использования при характеристиках высших должностных лиц в равной степени трех маркеров (чин, должность, наместнический титул) распространяется в научном сообществе не быстро, и его популяризация остается актуальной. Склонность росписей и книг наместнических титулов к упоминанию не только думских, но и ближних чинов, является значимым источником для реконструкции состава Ближней думы. Задачи данной публикации: охарактеризовать персональный состав носителей высших наместничеств; показать карьерный рост сквозь призму повышения наместнического титула; определить взаимосвязь между происхождением должностных лиц и уровнем получаемых ими наместнических титулов в условиях местничества и после его отмены; установить возможности титульно-наместнической системы в ранжировании должностных лиц, обладавших равными чинами.

Напомним, что еще при Иване IV «наместник» из полномочного представителя царя и великого князя на определенной территории превратился в титул, используемый в сношениях с представителями иностранных государств. На первый взгляд, таких должностей немногого: послы, посланники, гонцы, члены Ответных палат, воеводы пограничных городов (разрядов). На деле при существенном количестве и разнице статусов иностранных государств, взаимодействовавших с Россией, перечень должностей, попадающих под ранжир наместнического титулования, значительно возрастает. Посол на съезд с польскими послами выше посла к польскому королю, он, в свою очередь, выше

посла к шведскому королю и т.д., послы в разные государства никогда не равны друг другу. Рост признания России на международной арене приводил к расширению ее дипломатических контактов. Одновременно с этим происходило и повышение статуса делегаций в ряд стран. Там, где ранее обходились посланниками для информирования иностранного патентата о наших делах, со второй половины XVII в. снаряжали великое посольство, а должность нового великого посла встраивалась в иерархию ранее существовавших.

И большой титул самого царя, и титулы лиц, представлявших нашу державу перед главами иностранных государств и их полномочными представителями, были связаны с перечислением территорий. Данная практика, роднящая Россию со Священной Римской империей, была принята на вооружение с первых шагов развития нашего государства по имперскому сценарию, по меньшей мере, со времени присоединения Поволжья при Иване IV. К 1670-м гг. количество территорий в титуле правителя Империи и русского царя сравнялось, достигнув трех десятков, русских наместнических титулов (а они постоянно добавлялись) было в два раза больше.

В 1646 г. наместнические титулы, присваивавшиеся с конца царствования Ивана Грозного, были систематизированы в специальной росписи¹. Указывать свой наместнический титул человек имел право в переписке с представителями иностранных государств на время исполнения конкретного дипломатического поручения. По выполнении данного поручения титул оставался вакантным, иным лицам не передавался, ждал новых назначений своего обладателя в сфере дипломатии. Фактически в титульно-наместнической системе господствовала та же практика, что и в Боярской думе: определенные чины и титулы оставались со служилым человеком либо до повышения, либо до смерти. Закрепляя данное положение, с царствования Федора Алексеевича должностному лицу предписывали писаться с наместничеством «когда прилучится». Передача наместнического титула другому лицу при жизни его обладателя была исключением из правил, могла являться показателем полного отстранения от государственных дел. Изначально титулы делились на боярские и окольнические, при Федоре Алексеевиче была разработана и после него внедрена практика разделения наместничеств на степенные и сверх степенных.

Самым высоким считался титул наместника Владимира. До отмечены местничества в разное время так титуловались боярин князь

¹ Роспись фамилиям, коим даваны титулы наместничеств при отправлении их в разные к чужестранным государствам посольства // Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 9.

Ф.И. Мстиславский, боярин Б.И. Морозов, боярин князь Н.И. Одоевский². В России не было официальной должности главы правительства, однако все прекрасно знали, кто является вторым лицом после государя. Работая в дипломатической сфере, этот государственный деятель претендовал на высшее наместничество. Официальные должности глав правительства были всегда высокими, но разными. Так, Мстиславский был первым боярином в Боярской думе, т.е. председательствовал в ней при отсутствии царя, а в Смуту возглавлял Семибоярщину. Н.И. Одоевский был председателем высшего, наряду с Боярской думой, государственного органа, созданного в царствование Федора Алексеевича, – Расправной палаты. Главы правительства принимали участие в переговорах с иностранными послами на территории Москвы. Для этого, если позволяла знатность, как в данных случаях, они возглавляли Ответную палату.

Морозов, став боярином в 1634 г. при назначении «дядькой» (воспитателем) царевича Алексея Михайловича, руководил государством в первые годы царствования своего воспитанника. Морозовы – один из четырех боярских родов, принадлежавших к первостепенной аристократии. Б.И. Морозов сосредоточил в своих руках управление Большой казной, Новой Четью, Иноземским, Стрелецким, Аптекарским приказами. Документы свидетельствуют, что до 1646 г. «Борис Иванович Морозов наместничеством не писыван, потому что в Ответе с послы не бывал»³, в 1654 г. писался с наместничеством в переписке с гетманом Б. Хмельницким. В результате Соляного бунта правительство Морозова рухнуло, а его место занял его ярый противник боярин князь Я.К. Черкасский, но вскоре попал в опалу. Новый глава правительства И.Д. Милославский был близок Морозову, а государственная деятельность последнего приобрела скрытый характер. Еще в 1651 г. он вступил в частную переписку с гетманом Войска Запорожского и немало сделал для перехода казаков под юрисдикцию России. Сохранение в 1654 г. наместнического

² Книга о наместничествах, коими бояре и разного чина люди при посылке в чужие государства именовались, 1665, марта 10 // Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 5. Л. 1 об.; Книга о наместнических титулах послов в разные государства 1581–1680 // Там же. № 4. Л. 4; Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всей Великия и Малыя и Белыя России самодержца царства и государства и великие княжения по степеням, и кому именно боярам, и окольничим, и думным людям, и стольникам, и дворянам, по его государской милости, будучи в ответах и на съездах окрестных государей с послы и во окрестных же государствах в послах и посланниках, и в порубежных городах в воеводах для пересылки порубежных городов разных государств с воеводы и с гетманы в посольских письмах с наместничеством писаться поволено // Там же. № 6. Л. 3, 7 об., 266 об.

³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 9. Л. 48.

титула уровня главы правительства – одно из доказательств сохранения положения Морозова при царском дворе [1, с. 6–13].

Многолетняя карьера Н.И. Одоевского всегда была связана с дипломатией, работой в посольствах, на посольских съездах, в Ответной палате, взаимоотношениями с такими государствами, как Речь Посполитая, Дания, Священная Римская империя, Швеция. По книгам наместнических титулов он проходит с 1645 г., за пять лет до этого став боярином, по записям 1678 г. упоминается как ближний боярин. Пример службы Одоевского – наглядная демонстрация повышения статуса боярина посредством наместнического титула: при Алексее Михайловиче – наместник Астраханский (4-й титул)⁴, с 9 марта 1678 г. при ближнем боярстве – наместник Новгородский (2-й)⁵, с 15 августа 1679 г. – наместник Владимирский.

В 1697 г. наместником Владимирским был кравчий К.А. Нарышкин в должности воеводы в Пскове. Адресатами его переписки были названы официальные представители Литвы и Швеции, а также «гетманы, генералы, коменданты»⁶. Как в местнический, так и послеместнический период родственники царей по материнской линии стояли вне системы местнических счетов и общих ранжиров знатности, имея право на чины, наместнические титулы, должности сверх предписанных положением материнского рода до породнения с царской фамилией. Начав карьеру с комнатного стольника Петра I, пройдя Азовские походы, Нарышкин получил один из высших дворцовых чинов кравчего, но царь Петр, поддерживая традиции своего отца и старшего брата, присовокупил к чину Нарышкина определение «ближний».

Вторым по статусу после Владимирского считалось наместничество Новгородское, оно также присваивалось за особые заслуги и стояло над основной наместнической системой. Глава правительства мог носить данный титул, когда наместник Владимирский не был в опале, но отходил от основных государственных дел по старости. Наместниками Новгородскими до отмены местничества были боярин И.Н. Романов,

⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 4. Л. 7; № 5. Л. 4; № 6. Л. 15; № 9., Л. 52.

⁵ Там же. № 6. Л. 8 об.

⁶ Там же. № 7. Л. 7 об.; Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великаго и Малаго и Белья России самодержца царства и государства и великих княжения по степеням, и кому именно боярам, и окольничим, и думным людям, и стольникам, и дворянам, по его государской милости, будучи в ответах и на съездах окрестных государей с послы и во окрестных же государствах в послах и посланниках, и в порубежных городах в воеводах для пересылки порубежных городов разных государств с воеводы и с гетманы в посольских письмах с наместничеством писаться повелено // Там же. № 8. Л. 8.

боярин князь Я.К. Черкасский, ближний боярин князь Н.И. Одоевский, ближний боярин князь Ю.А. Долгорукий, после отмены местничества – ближний боярин князь В.В. Голицын, генерал и адмирал Ф.Я. Лефорт, боярин А.С. Шеин, боярин князь Б.А. Голицын⁷.

Ранее упомянутый Я.К. Черкасский фигурирует в книгах наместнических титулов после возвращения из опалы. Как бывший глава правительства, аристократ первой статьи, ближний боярин, он в 1657 г. имел право писаться Новгородским наместником в «переписке с графом Магнусом (Магнусом Габриэлем Делагарди. – Г.Т.) из Москвы», а также в «переписке из походу и из полков»⁸, т.е. писался высоченным наместническим титулом при любом должностном поручении. Право на титул наместника Владимирского до своей смерти (1661) сохранял Б.И. Морозов.

Наместником Новгородским в итоге своей карьеры стал и Ю.А. Долгорукий (Долгоруков). Его путь к высшим наместничествам – это путь аристократа второй статьи при активной поддержке царя. Долгорукий в большей степени прославился на военном поприще, вместе с А.Н. Трубецким возглавляя русские войска в борьбе с поляками и шведами. Его нередко называют родоначальником системы государственной безопасности как за роль в деле патриарха Никона, так и за централизованное подавление армейскими силами движения под предводительством С.Т. Разина. Он сыграл важнейшую роль в окончательном переходе России к подворному обложению и формировании государственного бюджета – общеевропейского и российского новшества XVII в. [6, с. 13–15]⁹. В дипломатической сфере Долгорукий работал и в посольствах, и в Ответной палате, взаимодействовал с польскими, цесарскими, шведскими послами. Боярский чин получил очень рано, в 1648 г. За время царствования Алексея Михайловича с 1655/56¹⁰ по 1671/72 гг. повысил титул с Сузdalского (13-го на тот момент) до Тверского (6-го), получив до повышения ближнее боярство. Новгородского наместничества Ю.А. Долгорукий достиг уже при царе Федоре Алексеевиче (1680). Титул наместника Владимирского оставался за Н.И. Одоевским до его смерти в 1689 г. При пожаловании

⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 4. Л. 5; № 5. Л. 2 об.; № 6. Л. 8, 8 об., 9, 35, 266 об.; № 7. Л. 7 об., 8, 8 об., 33; № 8. Л. 8, 9 об., 36; № 9. Л. 47.

⁸ Там же. № 4. Л. 5; № 5. Л. 2 об.; № 6. Л. 8.

⁹ Там же. № 4. Л. 11 об., 12; 22 об.; № 5. Л. 14; № 6. Л. 9, 29–29 об., 64 об., 266 об.

¹⁰ Здесь и далее слэш в датах употребляется в тех случаях, когда источник указывает год назначения, не указывая конкретное число. Начало года во второй половине XVII в. – 1 сентября, эра – от сотворения мира.

наместничеством Новгородским Долгорукий занимал должность начальника Стрелецкого и Счетного приказов. Карьера Долгорукого демонстрирует, что второстепенная аристократия, как и первостепенная, служа в боярском чине, повышала свой статус путем повышения наместнического титула.

В.В. Голицын стал наместником Новгородским через 3 дня после венчания на царство Ивана и Петра. Его предшественник на новгородском наместничестве Ю.А. Долгорукий, как известно, погиб во время стрелецкого бунта 1682 г. Карьерный взлет Голицына сложно приписать только благоволению регентши Софьи, при которой он возглавил правительство. Голицын – одна из ключевых фигур царствования Федора, основной реформатор военной сферы – проводник военно-окружной реформы, сторонник разделения России на военные округа – разряды, один из инициаторов ослабления Боярской думы и создания Расправной палаты. В.В. Голицын – рекордсмен по количеству приказов, сосредоточенных под руководством одного лица (военных, финансовых, дворцовых), государственный деятель, определивший дипломатический курс России 1680-х гг. [5, с. 13–16]. Первые сведения о нем в книгах наместнических титулов относятся к 14 марта 1676 г. Царь Федор пожаловал Голицына наместническим Черниговским (новоприбылое наместничество, введенное с 1676 г. на 14-й позиции). 19 марта 1680 г. он получил титул наместника Великопермского (9-го)¹¹ и, наконец, 28 июня 1682 г. – наместника Новгородского. Отметим, что первостепенный аристократ В.В. Голицын в качестве первого получил наместнический титул такого же уровня, как второстепенный аристократ Ю.А. Долгорукий. Ниже постараемся ответить на вопрос, является ли данный шаг занижением статуса Голицына или завышением статуса Долгорукого. Наместнические книги в отношении первых двух титулов указывают чин Голицына – боярин, в отношении Новгородского наместничества – ближний боярин. В период своего могущества Голицын не нарушил правил титульно-наместнической системы, сохранив титул наместника Владимирского за патриархом русской политики Н.И. Одоевским. А вот в отношении его самого это правило нарушено было. Ф.Я. Лефорт стал наместником Новгородским (1696), когда Голицын был еще жив. Можно сказать: отстряня царевну Софью и В.В. Голицына от власти, Петр I открыто нарушал права высших должностных лиц. Ранее ни Б.И. Морозов, ни Я.К. Черкасский, лишившись роли главы правительства, не лишились своих наместнических титулов.

¹¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 4. Л. 17; № 6. Л. 35, 43.

Новгородские наместники времени Петра I Ф.Я. Лефорт и А.С. Шеин весьма разнятся по своему происхождению, но схожи с точки зрения должностного пути. Первый был одним из командующих в Первом Азовском походе, второй – единоличный командующий во Втором. В книгах наместнических титулов Лефорт упоминается всего один раз как глава Великого посольства. Столь масштабная запись о должности наместника, какова была сделана в отношении Лефорта (а также наместника Сибирского (5-го на конец XVII в.) Ф.А. Головина) данным документам не характерна. Генерал и адмирал наместник Новгородский «на государственной службе у цесаря римского, английского и датского королей, папы римского, в Голландских штатах, у курфюрста Бранденбургского, в Венеции, в государственных посольских делах, в Ответах, во всяких пересыloчных посольских письмах, в великих и полномочных послах»¹². А.С. Шеин титуловался наместником Новгородским с 29 июля 1699 г. (Лефорт скончался в марте 1699 г., наместничество Новгородское было свободно). Запись о присвоении наместничества по складывавшейся петровской традиции объединяет все должности обладателя: «Воевода большого полка, в Ответах с послами, в переписке с гетманом И.С. Мазепой, в пересыloчных листах в Польшу и Швецию (к генерал, губернаторам, комендантом) о чем прилучится»¹³. Шеины – первостепенные аристократы боярского происхождения. В наместнических книгах первые упоминания об А.С. Шеине относятся к 1682/83 г. До Новгородского был сначала наместником Великопермским (9-м), затем – Псковским (6-м)¹⁴. Данные документы по отношению к каждому наместничеству называют Шеина боярином.

Краткая характеристика обладателей высших наместнических титулов показала возможность повышения титула благодаря службе. На основе алфавитного реестра наместников, составленного автором данной статьи [4, с. 184–220], эту практику можно подтвердить гораздо большим количеством примеров. Всего в книгах и росписях наместнических титулов с 1580 по 1706 гг. упоминаются 283 чел. Во второй половине XVII – начале XVIII в. титул повысили 44 чел. Из них 16 представителей родов первостепенной аристократии, 15 выходцев из родов второстепенной аристократии, 13 чел., относящихся к более низким социально-служебным категориям.

¹² Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 7. Л. 8 об.; № 8. Л. 9.

¹³ Там же.

¹⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 6. Л. 35 об.; № 7. Л. 15.

Рассмотренные нами примеры связаны с повышением наместнического титула в боярском чине. Однако и аристократы, и представители неаристократических фамилий могли приступать к выполнению дипломатических поручений и в чине стольников. Представители второстепенной аристократии работали в дипломатической сфере в окольничестве. В местническую эпоху, в отличие от петровского периода, даже небольшая «погрешность» в происхождении существенно влияла на все служебные показатели. Обратимся к наместническим титулам, соответствующим подобным случаям. В первую очередь, охарактеризуем представителей клана Долгоруких, лидер которых Ю.А. Долгорукий, как отмечалось ранее, обладал весьма высокими наместническими титулами для второстепенного аристократа.

Окольничий князь Д.А. Долгорукий, будучи отправленным 2 марта 1664 г. на посольский съезд в составе делегации, возглавляемой ближними боярами Н.И. Одоевским и Ю.А. Долгоруким, носил титул наместника Галицкого (27-го на тот момент), в 1671/72 г. в Ответе с польскими послами уже в боярском чине был наместником Сузdalским (16-м)¹⁵. Тот факт, что данные показатели – верхняя норма для представителей родов второй статьи, подтверждает служба князя Ф.Ф. Волконского (окольничего с 1634 г., боярина с 1650 г.). Первый боярин в своем роде, уже находясь в высшем думном чине в 1653/54 г., он был наместником Галицким, получил повышение до наместника Муромского (24-го) в 1658 г. в составе делегации на Виленский посольский съезд под руководством Н.И. Одоевского¹⁶. Также выходец из второстепенной аристократии Г.Г. Ромодановский в чине окольничего был наместником Белгородским (положение титула в иерархии при царях Алексее и Федоре постоянно менялось. – Г.Т.), в боярском чине в марте 1680 г. числился наместником Коломенским (титул из-за новоприбылых наместничеств опустился с 20-й на 27-ю позицию. – Г.Т.), в ноябре 1680 г. был повышен до наместника Рязанского (15-го на тот момент)¹⁷. Общее правило для аристократов второй статьи предписывало получать наместнический титул из середины 3-го десятка в окольничестве и повышать его до титула из середины 2-го десятка в боярстве.

Выходом за границы правил вслед за службой Ю.А. Долгорукого стала служба его сына ближнего боярина М.Ю. Долгорукого. Он смог повысить титул наместника Сузdalского, относящегося к середине второго десятка титульной иерархии, полученный в последние годы

¹⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 4. Л. 22 об.; № 5. Л. 27; № 6. Л. 64 об., 132–132 об.

¹⁶ Там же. № 4. Л. 31–31 об.; № 5. Л. 24 об., 27; № 6. Л. 115 об., 132.

¹⁷ Там же. № 5. Л. 48; № 6. Л. 49 об., 50, 83, 93–93 об., 228–228 об.

правления Алексея Михайловича, до титула наместника Тверского (7-го), пожалованного 19 ноября 1678 г. царем Федором Алексеевичем¹⁸. Без протекции отца дело не обошлось. Как и все члены Ближней думы, он тянул своего отпрыска в эту элитную государственную структуру, членство в которой повышало и такие служебные показатели, как наместнический титул. Не стоит не учитывать характер и амбиции самого Михаила Юрьевича, во многом приведшие к гибели обоих Долгоруких во время стрелецкого бунта 1682 г.

Повышение наместнического титула представителей дворянских родов в местническую эпоху было скорее исключением, общий уровень титульных показателей существенно уступал аристократам.

Это правило касалось даже царских свойственников (родственников царских жен, нередко имевших именно дворянские корни). Характерный пример – глава правительства при Алексее Михайловиче, его тестя И.Д. Милославский. К аристократам второй статьи Милославские будут причислены благодаря породнению с царской фамилией. Будучи стольником, он являлся наместником Медынским (45-м на тот момент), в чине боярина, полученного именно благодаря свадьбе дочери с государем, – Ярославским (14-м)¹⁹.

Яркий пример чиновного и титульно-наместнического роста – карьера сына думного дворянина И.А. Прончищева. Будучи стольником, в 1657/58 г. носил титул наместника Елатомского (34-й), сохранил его в думном дворянстве, повысил до Чебоксарского в 1677 г. в окольничестве²⁰. (За это время рост числа наместнических титулов понизил позицию наместничества Чебоксарского с 28-й до 33-й, но сохранил его статус шестью местами выше Елатомского.)

Между тем, двум знаковым фигурам царствования Алексея Михайловича, начальникам Посольского приказа в разное время, дослужившимся до боярства, А.Л. Ордину-Нащокину и А.С. Матвееву, их происхождение не позволило повысить наместнический титул на протяжении всей карьеры. Первый был сыном дворянина, второй – дьяка. Ордин-Нащокин оставался наместником Шацким (23-м)²¹, Матвеев в чинах думного дворянина, окольничего, боярина, ближнего боярина – наместником Серпуховским (38-м на тот момент)²².

¹⁸ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 4. Л. 22 об., № 6. Л. 29 об. – 30, 64 об.

¹⁹ Там же. № 4. Л. 21; № 5. Л. 12 об., 45; № 6. Л. 59, 220.

²⁰ Там же. № 5. Л. 36 об.; № 6. Л. 139, 168 об.; № 7. Л. 59.

²¹ Там же. № 4. Л. 30–30 об.; № 5. Л. 23; № 6. Л. 109 об.

²² Там же. № 6. Л. 176.

Если первостепенные аристократы повышали наместнический титул в рамках одного (боярского) чина, дьяки и дворяне, дослужившиеся до боярства, напротив, оставались в прежнем наместническом титуле. В местническую эпоху практика, отразившаяся в карьерах Ордина-Нащокина и Матвеева, являлась не признаком опалы, а своего рода защитой. Полученный этими государственными деятелями боярский чин и очень высокие должности изначально считались принадлежностью аристократии. Предотвратить ее недовольство и бесчисленные местнические иски как раз и должен был окольнический невысокий наместнический титул бояр-нуворишей.

Книги наместнических титулов фиксируют рост наместнического титула по отношению к И.А. Власову (при продвижении из стольников в думные дворяне), думному дворянину Л.Т. Голосову, думному дворянину и генералу, а затем – окольничему В.А. Змееву, Л.Р. Неплюеву (при повышении из думных дворян в ближние окольничие), думному дьяку Е.И. Украинцеву, думному дворянину Ф.Л. Шакловитому. Однако все повышения наместничества произошли в данных случаях после отмены местничества. Высшие титулы, которых удалось достичь перечисленным служилым людям, относились к разряду «сверх степенных», своего рода второму сорту. Это были титулы наместников Углечского, Болховского, Чебоксарского, Стародубского, Каргопольского, Вяземского²³.

Повышение титула думного дьяка начальника Посольского приказа Е.И. Украинцева произошло и могло произойти только после отмены местничества. В местнический период для всех дьяков, включая думных, предназначался исключительно титул наместника Боровского – низший в титульной иерархии.

В целом повышение наместнического титула лиц аристократического происхождения (боярско-княжеской аристократии) и представителей дворянских родов являлось распространенной практикой. Однако для первых предназначались сначала боярские, а позднее степенные титулы, для вторых – сначала окольнические, затем титулы «сверх степенных». В рамках «своей» группы повышение наместничества происходило безболезненно. Для аристократов титульный рост свидетельствовал об успешности карьеры в том случае, когда высший боярский чин или совокупность боярского и ближнебоярского чинов уже были достигнуты и чиновные показатели более не могли быть индикаторами служебного продвижения. Иначе титульно-наместническая система функционировала при получении должностным лицом титула сверх своей

²³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 166 (Дела и сочинения о титулах). № 7. Л. 35 об., 37, 59, 65, 67, 70, 71 об.

меры: титул оставался на прежнем уровне, становясь противовесом чину. В местническую эпоху даже глава правительства – выходец из дворянского или дьяческого рода – не мог претендовать на высшие наместнические титулы. После отмены местничества правила смягчились, но высокие наместничества лиц незнатного происхождения являлись все равно единичными случаями. Совокупность таких показателей, как чин, наместнический титул, должность, позволяют выстроить их носителей на лестнице служебного неравенства, нюансируя служебный ранжир.

Библиографический список / References

1. Жарков В.П. Боярин Борис Иванович Морозов – государственный деятель России XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. [Zharkov V.P. Boyarin Boris Ivanovich Morozov – gosudarstvennyj deyatel Rossii XVII veka [Boris Ivanovich Morozov was a Russian statesman of the 17th century]. PhD theses. Moscow, 2002.]
2. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. [Medushevskij A.N. Utverzhdenie absolutizma v Rossii. Sравнительное историческое исследование [The establishment of absolutism in Russia. A comparative historical study]. Moscow, 1994.]
3. Талина Г.В. Государственная власть и системы регулирования социально-служебного положения представителей высшего общества России 40-х–80-х гг. XVII в.; дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. [Talina G.V. Gosudarstvennaya vlast i sistemy regulirovaniya socialno-slushhebnogo polozheniya predstavitelej vysshego obshchestva Rossii 40-x–80-x gg. XVII v. [State power and systems of regulating the social and official status of members of Russia's upper class in the 1640s–1680s.]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2002.]
4. Талина Г.В. Наместники и наместничества в конце XVI – начале XVIII века. М., 2012. [Talina G.V. Namestniki i namestnichestva v konce XVI – nachale XVIII veka [Governors and governorships in the late 16th and early 18th centuries]. Moscow, 2012.]
5. Ткаченко А.В. Князь Василий Васильевич Голицын – государственный деятель России последней трети XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. [Tkachenko A.V. Knyaz Vasiliy Vasilevich Golitsyn – gosudarstvennyj deyatel Rossii poslednej treti XVII veka [Prince Vasily Vasilyevich Golitsyn was a Russian statesman in the last third of the 17th century]. PhD theses. Moscow, 2002.]
6. Щербаков С.Н. Боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков – государственный деятель России 20-х – начала 80-х гг. XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. [Shherbakov S.N. Boyarin knyaz Yurij Alekseevich Dolgorukov – gosudarstvennyj deyatel Rossii 20-х – nachala 80-х gg. XVII veka [Boyar Prince Yuri Alekseyevich Dolgorukov was a Russian statesman in the 1620s and early 1680s]. PhD theses. Moscow, 2009.]

Статья поступила в редакцию 03.08.2025, принятa к публикации 08.09.2025
The article was received on 03.08.2025, accepted for publication 08.09.2025

Сведения об авторе / About the author

Талина Галина Валерьевна – доктор исторических наук, профессор; заведующая кафедрой истории Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет

Galina V. Talina – Dr. Hab. (History); Head of the Chair of History of the Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

E-mail: gatalina@yandex.ru